

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXII

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1895

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1895.

ПЕСТРЫЯ СТРАНИЧКИ¹).

(Изъ литературныхъ воспоминаній).

IV.

Въ Москвѣ.

Литературная гостинница.—Черные дни.—Встрѣча съ С. А. Юрьевымъ.—Разсказы о его забывчивости и разсвѣянности.—Московскій Лейкинъ.—«Сатирическій Листокъ» и «Московская Газета» въ новыхъ рукахъ.—«Зритель» Давыдова.—«Современныя Извѣстія» и Гиляровъ-Платоновъ.—И. Л. Пушкаревъ и его журналы «Мірской Толкъ» и «Свѣтъ и Тѣни».—Г. А. Хрущовъ-Сокольниковъ.—Путята и другіе сотрудники «Мірского Толка».—Л. Пальминъ.—Знакомство съ А. П. Чеховымъ; гипнотическіе и спиритическіе сеансы.—Братья Вернеры.—А. Д. Курепинъ.—У И. С. Аксакова.—«Россія» Уманца.—В. А. Скрипидынъ, Д. А. Ливевъ, Н. П. Аксаковъ, С. Н. Филипповъ и В. Е. Ермиловъ.—Какъ я попался на удочку.—«Дѣтскій Отдыхъ».—Н. П. Ланинъ и «Русскій Курьеръ».—Докторъ-публицистъ В. П. Окороковъ.—Мои изданія въ Москвѣ.—Молодые поэты.—В. М. Михеевъ и наша драма «Талантъ и деньги».—Н. И. Златовратскій.—Н. М. Ядринцевъ.—В. И. Немировичъ-Данченко и начало моего сотрудничества въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Сколько потрачено силъ вообще за короткое время! Благодаря довѣрчивости, любви къ дѣлу, я еще не одинъ разъ попадался на удочку разныхъ предпринимателей. И только опыты послѣднихъ лѣтъ убѣдили меня, что нельзя вести общее дѣло съ людьми, чуждыми печати или смотрящими на изданіе, какъ на лавочку. Для торговцевъ печатнымъ словомъ существуютъ «подручные» или паяцы, которымъ тоже дорогъ только одинъ пятакъ.

«Зритель», издававшійся ранѣе очень недолго, теперь возобновился, благодаря денежному участию въ изданіи нѣкоего А — та. Онъ пріобрѣлъ типографію, поставилъ дѣло хорошо. Литературный трудъ оплачивался недурно и аккуратно. Вернеръ сдѣлался секретаремъ редакціи, а редактированіе сначала лежало на одномъ изъ вѣстныхъ теперь московскомъ писателѣ, или, вѣрнѣе, онъ помогалъ въ редакціи Давыдову. Въ «Зрителѣ» я помѣщалъ юмористическіе и сатирическіе стихи и велъ въ сатирическомъ духѣ «журнально-литературное обозрѣніе», подъ псевдонимомъ Ширебери. Помню, разъ все обозрѣніе было запрещено цензоромъ. Номеръ вышелъ безъ обозрѣнія.

— Это почему?—спросилъ я у редактора.

— А потому? что «уже бери!»,—смѣясь, отвѣтилъ онъ.

Въ журналѣ писали много Вернеръ, Хрущовъ-Сокольниковъ и Антонъ Чеховъ, подъ псевдонимами «Ант. Чехонте» и «Человѣкъ безъ селезенки». Его небольшія, остроумныя и живыя картинки нравились публикѣ. Но «Зритель» опять просуществовалъ недолго. Давыдовъ разошелся съ А — омъ, остался безъ денегъ, и... изданіе прекратилось. <...>

Заѣхавъ ко мнѣ въ «Миръ», Г. А. сообщилъ, что «сегодня у Пушкарева интересный вечеръ: будетъ гипнотизаторъ, и состоятся любопытные опыты... Обѣщался пріѣхать и Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко (я съ нимъ былъ уже знакомъ).

— Ты хочешь? Поѣдемъ!—заклучилъ Г. А.

Я сказалъ, что это едва ли удобно...

— Какіе пустяки!.. Что за столкновеніе? Да Н. Л. и не придастъ значенія такой мелочи. Поѣдемъ... Интересно.

Я все-таки отказался.

Г. А. уѣхалъ, а черезъ два часа прислалъ записку слѣдующаго содержанія: «Пріѣзжай. Н. Л. ждетъ и очень радъ... Я также жду. Твой Хрущовъ-С.»...

Я отправился въ Нѣмецкую улицу, гдѣ у Пушкарева былъ собственный домъ: въ немъ, кромѣ квартиры Н. Л., помѣщалась типографія и редакція.

На вечеръ собралось много народа. Въ этотъ разъ я познакомился съ молодымъ писателемъ-беллетристомъ Путятой, который, спустя лѣтъ пять, умеръ въ больницѣ отъ чахотки. Передъ смертью онъ сильно нуждался. А. П. Чеховъ писалъ о немъ въ газетахъ, взывалъ къ помощи братьевъ и общества. Не знаю, что вышло изъ этого воззванія. Путята обладалъ своеобразнымъ дарованіемъ, но это дарованіе, о которомъ мнѣ много говорилъ еще ранѣе Даниловъ, дядя извѣстнаго Д. И. Писарева, также погибло, не достигнувъ своего развитія. Жизненные условія, условія личной жизни у Путяты сложились скверно. Одно время онъ сильно

пиль... Когда я познакомился съ нимъ, онъ уже хрипѣлъ и говорилъ съ трудомъ...

«Опыты», о которыхъ упоминалъ Сокольниковъ, удались. Помню хорошо эту блѣдную женщину, усыпленную гипнотизеромъ. Вотъ она съ открытыми глазами, стеклянными, словно у покойницы, идетъ за В. И. Данченко, который держитъ ее за руки... Онъ хотѣлъ ее оставить и уйти! Она бросилась за нимъ...

— Не дѣлайте этого... нельзя!..—сказалъ гипнотизеръ. — Она все равно пойдетъ за вами... Запрете дверь—она ее высадитъ...

Когда женщину «привели въ чувство», то-есть она проснулась, она ничего не помнила. Она покорно поддавалась приказу гипнотизера.

Послѣ ужина Н. Л., заговоривъ со мной о чемъ-то, предложилъ писать въ «Мірскомъ Толкѣ» литературныя замѣтки. Я охотно принялъ предложеніе и отказался отъ работы въ «Современныхъ Извѣстіяхъ». Еще долгое время я продолжалъ получать оставшійся долгъ за редакціей, такъ какъ уплата шла попрежнему пятирублевками и самое большее красненькими. <...>

Если не ошибаюсь, я познакомился съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ въ редакціи «Зрителя». А. П., медикъ по образованію, почти никогда не касался въ разговорахъ этой области, и всѣ бесѣды вращались около литературныхъ вопросовъ. Чеховъ жилъ въ своей

сямь, и я, бывая у А. П., познакомилса съ его братомъ—художникомъ, очень талантливымъ и симпатичнымъ чловѣкомъ, умершимъ, къ сожалѣнію, чрезвычайно рано. А. П. работалъ въ то время въ «Зрителѣ», «Будильникѣ», «Петербургской Газетѣ» и, вѣроятно, не мечталъ, во всякомъ случаѣ не предполагалъ, что добьется той извѣстности, какою онъ пользуется теперь. Мягкій, веселый, скромный, онъ производилъ собою на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Покойный А. Д. Курепинъ, редактировавшій тогда «Будильникъ», былъ немножко «влюбленъ» въ Чехова и говорилъ о немъ съ какою-то нѣжностью. Курепинъ считался большимъ пріятелемъ Н. Кичеева. Но между ними было мало общаго. Чистенькій, румяный, одѣтый съ иголочки, А. Д. Курепинъ и по внѣшности уже не походилъ на Кичеева. Но если этотъ, не смотря на свои «грѣхи», безпутность и чисто «русскую халатность», оставался все-таки добрымъ малымъ, который сегодня васъ «надуетъ» по разсѣянности, по привычкѣ много обѣщать, а завтра же и сдѣлаетъ что нибудь, то Курепинъ со своей сладкой улыбкой, съ мягкимъ вкрадчивымъ голоскомъ, съ нѣмецкой аккуратностью, производилъ впечатлѣніе чловѣка только по внѣшности корректнаго и безукоризненнаго... Если вамъ сказали бы, или вы убѣдились бы, что онъ и внутренно былъ такимъ же, то васъ все равно не повлекло бы къ нему. Когда я сравнивалъ Кичеева и Курепина, мнѣ невольно приходило на память слѣдующее стихотвореніе Иваницкаго:

«Бываютъ же люди такіе,
 «Что самыя слабости ихъ
 «Для насъ несравненно милѣе
 «Высокихъ достоинствъ другихъ!»

А когда еще только одно наружное «цирлихъ-манирлихъ», то, право, пріятнѣе—разгильдяйство и «русское безпутство». Курепинъ не долго пережилъ своего пріятеля Кичеева. Какъ журналистъ, литераторъ, Курепинъ—очень микроскопическая величина. <...>